

ДОКТОР СОЙФЕР ПЕТР

Петр Сойфер

Фальшивая репутация

«Автор»

2026

Сойфер П.

Фальшивая репутация / П. Сойфер — «Автор», 2026

Основательницу элитного парижского PR-агентства находят мёртвой в безупречно белом кабинете — рядом идеальная предсмертная записка, ни одной лишней детали. Полиция готова закрыть дело: выгорание, тревога, слабое сердце. Симону Вассер, бывшего главного редактора, приглашают консультантом — читать не улики, а текст. И она видит то, чего не видит никто: слишком совершенную пунктуацию там, где должна быть боль. За идеальной формулировкой — старый фармацевтический скандал, забытые смерти и агентство, двадцать лет учившее мир превращать вину в управляемый риск. Кто-то отредактировал не только смерть Клэр Обертен — кто-то редактирует память заживо. Психологический детектив о том, как легко фальшивая репутация может стоять настоящей жизни — и кто в итоге пишет последнюю страницу.

© Сойфер П., 2026

© Автор, 2026

Петр Сойфер

Фальшивая репутация

Пролог. Белая комната

Марк Дюруа отпирает дверь «La Chambre blanche» без четверти семь и ещё секунду стоит на пороге, потому что тишина внутри кажется ему неправильной — слишком полной, слишком чистой, как будто из комнаты выкачали не только звук, но и воздух. Замок входит мягко: недавно смазанный механизм, ни единого скрипа. За двадцать лет он привык, что утренние студии встречают его гулом кондиционера, запахом вчерашнего кофе, беспорядком чужой ночи. Здесь — ничего. Только молочное стекло, стол без единого ящика и его собственное дыхание, которое вдруг кажется слишком громким.

Потом он видит Клэр.

Она сидит у дальней стены — спина прямая, босая ступня касается серого бетона, рядом стакан воды и распечатанный лист. Дюруа не сразу понимает, что перед ним смерть; первую секунду он думает, что она просто устала и присела отдохнуть после ночной репетиции. Потом замечает, как неестественно спокойно лежит бежевый пиджак на спинке стула — будто его повесили для фотографии, а не сняли в спешке, — и внутри у него что-то обрывается, коротко и физически, как обрыв провода.

Он не подходит ближе. Руки сами тянутся к телефону, и набирает он номер медленно, будто резкое движение способно разбудить что-то, чему лучше оставаться спящим.

Капитан Лиза Даржан приезжает через десять минут, и с ней в студию входит другой род спокойствия — рабочий, отработанный годами. Судебный врач опускается на колени, произносит слова про отсутствие травм и остановку сердца так буднично, что Дюруа сжимает зубы: смерть Клэр с первой минуты превращается в протокол, и ему за неё обидно.

Даржан читает записку вслух, и голос её не дрожит:

— «Я принимаю ответственность за ущерб, который нельзя исправить, и прошу не превращать мою смерть в новый кризис».

Подпись мелкая, ровная, знакомая по контрактам. Дюруа смотрит на неё и не может отделаться от мысли, что буквы её имени выглядят так, словно их поставили на деловом письме, а не под последними словами человека.

На столе нет ручки.

Он вспоминает, как накануне вечером Клэр прошла мимо него — одна, без обычной свиты помощников, — и попросила отключить сервис уборки. Голос у неё был другой, тише обычного, и она сказала, почти не глядя на него: «Я готовлю последнее свидетельство». Он тогда не придавал этому значения. Теперь фраза стоит у него в ушах, как заноза, которую поздно вынимать.

За стеклом сереет утро; внизу мусоровоз промывает мостовую, и едкий запах воды проникает даже сюда, в этот безвоздушный коридор, где, кажется, никогда не пахло ничем живым.

Даржан замечает в складке ковра тонкую синюю нить — она не совпадает ни с чем в комнате. На низком столике у двери лежит карточка посетителя без имени, магнитная полоса стёрта. В ящике консоли — белый футляр от микрофона, хотя студия по воскресеньям пуста.

Даржан велит упаковать находки, но не задерживается на них взглядом: агентства такого рода живут среди чужих пропусков и тестовых съёмок, и лишний мусор здесь — обычное дело, а не улика.

Дюруа стоит у двери, и впервые за много лет службы у него подрагивают пальцы — не от холода. Комната, которую он охранял столько лет, всё это время была не убежищем, а сценой.

На безупречно чистом стекле остаётся единственный отпечаток пальца — смазанный, слишком смазанный, чтобы принадлежать тому, кто нашёл тело первым. Маленькая трещина

в идеальной поверхности. Напоминание, что стерильность почти всегда — чья-то работа, а не отсутствие следов. ## Глава 1. Пунктуация смерти

Даржан не любит вызывать посторонних на место смерти. Но набирая номер Симоны Вассер, она невольно расправляет плечи — будто уже сейчас перекладывает часть тяжести на человека, привыкшего носить чужие рукописи домой и не спать над ними до утра.

К полудню о смерти Клэр знают все, кому это может быть выгодно или больно: партнёры агентства, юристы «Ogrhéon Bioscare», редакция еженедельника, готовившего с ней интервью на четверг. Три источника — и Даржан ловит себя на том, что перечитывает собственные заметки по два раза: расследование переписывают быстрее, чем она успевает его записать.

Симона приходит на улицу Веррьер в тёмном пальто, с карандашом в кармане, и в лифте, среди латунного блеска таблички «Discretion mesurable», её впервые за это утро отпускает многолетняя усталость от чужих текстов. Ей шестьдесят восемь. Она давно не главный редактор — но руки помнят, как держат чужую боль, не давая ей рассыпаться в руках.

Даржан протягивает записку. Голос у неё сухой, почти извиняющийся:

— Приглашение неофициальное. Мы пока видим депрессию и женщину, которая заранее написала признание.

Симона не спорит. Она просит только одного — не объяснять текст, а дать прочесть его в тишине.

Двадцать семь строк. Она читает медленно, и с каждой строкой пальцы у неё холодеют — не от температуры в комнате. Клэр благодарит «коллег, прошедших со мной через периоды повышенной уязвимости», просит не «реактивировать вторичную травму». Так не пишут перед смертью. Так пишут перед пресс-конференцией.

Она подчёркивает карандашом слово «непродуктивный». Рука слегка дрожит — не от старости, а от узнавания. Она читала сотни писем от людей, готовых умереть, и ни одно из них не заботилось о будущем заголовке.

В комнате стоит медицинская прохлада, и под рёбрами у Симоны что-то тянет — коротко, глухо, как от несправедливости, свидетелем которой она стала слишком поздно. Стакан воды на полу выглядит выставленным напоказ, как экспонат, а не забытым живым человеком. На запястье Клэр — тонкий след от пластыря; Симона на секунду задерживает дыхание, будто прикосновение взглядом способно причинить боль мёртвой женщине.

Она просит Даржан узнать, кому в агентстве были доступны шаблоны «удерживающего заявления».

Нора Бессет отвечает по видеосвязи, и голос её звучит слишком собранно для человека, только что потерявшего наставницу. Клэр «несколько месяцев была истощена» — фраза выходит гладко, без единой запинки, и у Симоны сама собой поджимаются губы: так говорят не о живом человеке, а о клиенте перед эфиром.

В коридоре она останавливается у панели доступа. Сорок семь секунд пустоты не пугают её — они злят. Не потому, что скрывают преступника, а потому, что кто-то посмел вырезать из чужой смерти кусок времени так же спокойно, как вырезают неудачную фразу из черновика.

— Я пока не знаю, было ли это убийством, — говорит она Даржан, и в голосе её впервые за утро прорывается что-то живое, почти гнев. — Но смерть Обертен, безусловно, отредактирована. И тот, кто это сделал, оставил в тексте слишком совершенную пунктуацию. ## Глава 2. Кабинет без прошлого

На следующий день Симона возвращается на улицу Веррьер раньше сотрудников — ей нужна тишина без чужих взглядов, минута, когда здание ещё не успело выстроить оборону. Дождь покрывает брусчатку тонким лаком, а дверная рамка агентства пахнет обеззараживающим составом с лимонной коркой — запах, который она уже не может отделить от чувства, что здесь слишком старательно убирают за собой.

Приёмная устроена так, чтобы никто не чувствовал себя пойманным камерой, и всё же Симона ловит себя на том, что держит спину прямее обычного — будто белые диваны и абстрактные карты «репутационных рисков» смотрят на неё внимательнее, чем она на них.

Нора Бессет встречается её у турникета, собранная до звона в голосе, и у Симоны на миг сжимается сердце — не от подозрения, а от грусти за молодость, которую слишком рано научили не плакать при свидетелях.

Кабинет Клэр оказывается почти пустым — стол, экран, два шкафа с пустыми полками, — и эта пустота бьёт сильнее, чем ударил бы беспорядок. На стеклянной стене Симона различает три слова, написанные маркером и стёртые не до конца: «не память — версия». Она стоит перед ними дольше, чем нужно, скрестив руки: формула слишком удобна, чтобы быть просто рабочим девизом.

— Любимая фраза Клэр, — говорит Нора. — Напоминание не путать факты с тем, как их рассказывают.

Симона слышит в этих словах не мудрость, а первую трещину: все здесь говорят об усталости Клэр одинаково — «истощена», «на пределе», — будто слушаешь не разных людей, а один голос, разложенный на пять ролей.

В серверной, среди гула охлаждения, Ивен Коро показывает логи, и его спокойствие раздражает её сильнее, чем должно бы. В 22:18 воскресенья кто-то с учётной записи Клэр открыл папку «TÉMOIGNAGE / FINAL» — но не тронул черновик интервью, а вынес три старых файла. Симона медленно опускает карандаш: человек не читал, значит, он не искал правду Клэр — он искал то, что заранее знал забрать.

В принтере — тестовый лист с синими полями, и волокна того же оттенка, что в ковре студии. Нора объясняет калибровкой оборудования, легко, без запинки — и эта лёгкость ранит Симону больнее прямой лжи.

В холле светится экран тональности: зелёное облако слов вокруг имени Клэр медленно желтеет. Симона смотрит на этот цветной туман, и к горлу подступает тошнота — агентство, которое продавало клиентам контроль над первым впечатлением, теперь с той же холодной сноровкой контролирует прилагательные о собственной погибшей хозяйке.

Она понимает: чтобы найти убийцу, ей придётся не просто восстановить хронологию. Придётся выяснить, кто научил всех этих людей молчать так слаженно, будто горе можно отретивать. ## Глава 3. Сын из списка потерь

Адриен Лемер выбирает для встречи библиотеку Института судебной риторики — место, где даже воздух приучен молчать. Он ждёт между столами в тёмно-синем костюме, и Симона с первого взгляда видит в нём то, что не написано ни в одном досье: усталость человека, который двадцать лет учился не просить сочувствия.

Он говорит о матери тихо, буднично, но когда произносит фразу Клэр — «статистически болезненные, но причинно неустойчивые эпизоды» — голос его на мгновение теряет ровность. Симона слышит в этой заминке годы: формулировка простояла у него поперёк горла дольше, чем он готов признать.

Он не скрывает мотива. Не скрывает и облегчения, которое испытывает теперь, — и в этой откровенности Симоне чудится не хитрость, а усталость человека, которому больше нечего терять от честности.

Она листает таблицы «Голосов клапанов», и к горлу подступает не гнев даже — стыд за профессию, умевшую превращать смерть в столбец цифр. Внизу одной из страниц рукой Клэр написано: «Не спорить с горем. Менять его масштаб» — и Симона на секунду прикрывает глаза, как от резкого света.

У Адриена есть алиби — и есть в нём дыра длиной без малого час, которую он не пытается спрятать. Он приехал к агентству, видел свет в окне, но не вошёл.

— Я хотел спросить, понимает ли она, что признание не равно прощению, — говорит он, и фраза выходит настолько хороша, что Симона ловит себя на подозрении — не к нему, а к тому, кто мог заранее подсказать ему эти слова.

Анонимное письмо в его папке пахнет чужой режиссурой — слишком удобное, слишком вовремя. Даржан видит в Адриене готового подозреваемого. Симона видит другое.

— Сын, который двадцать лет ждал слов, не станет убивать женщину за несколько дней до того, как она наконец могла заговорить, — говорит она, и в голосе её звучит не аргумент следователя, а личная, почти упрямая убеждённость. — Это вопрос не алиби. Это вопрос человеческой логики. ## Глава 4. Соавтор тишины

В пустом ресторане «Le Cabinet Vert» зеркала за барной стойкой множат пустые столики, и Симоне на мгновение кажется, что за ними уже сидят все, кто когда-либо промолчал ради Клэр Обертен.

Габриэль Вотрен говорит о бывшей партнёрше без злости, но с той горечью, которая копится не за один год.

— Она не верила в ложь, — произносит он. — Она верила, что порядок слов сильнее фактов.

Симона слушает, и по спине у неё пробегают холода узнавания: перед ней человек, который мог бы написать записку лучше самой Клэр.

Он признаётся, что виделся с ней в субботу, в архиве, — и голос его впервые за разговор дрожит. Клэр, по его словам, была напугана — не раскаянием, а мыслью, что кто-то уже пишет за неё новую версию правды. Симона слышит в этих словах не алиби, а настоящий страх — тот, что нельзя сыграть.

Признание рушит его алиби на субботу, и полиция тут же цепляется за это как за нить. В блокноте Вотрена находят фразы, пугающе близкие к записке Клэр, и Даржан почти торжествует. Но Симона листает страницы и видит другое: перечёркнутые слова, сомнения, живые следы поиска — то, чего нет ни в одной строке фальшивой записки.

— Ваш блокнот доказывает не то, что вы её убили, — говорит она, и в голосе её на секунду проскальзывает сочувствие, — а то, что вы не умеете писать без сопротивления.

Вотрен смеётся — горько, не облегчённо — и рассказывает про запись совещания, которую Клэр хотела передать журналисту. Коробка, где хранилась плёнка, оказалась пуста, и, возможно, это театр виноватого. А возможно, приманка для старого друга, которому больно быть нужным лишь как свидетелю.

Когда Симона выходит на мокрую улицу, в витрине закрытого банка она видит их с Вотреном отражения — он стоит слишком прямо, как человек, привыкший, что его вычёркивают из титров. Ей вдруг жаль его — не как подозреваемого, а как человека, которого Клэр снова, уже посмертно, сделала своим соавтором. ## Глава 5. Цена устойчивости

В лифте без кнопок, где этаж выбирает чужая рука, Симона думает о том, что власть — это прежде всего умение не касаться механизма самому. Мысль неприятная, липкая, и она не может от неё избавиться, пока двери не открываются на двадцать втором этаже.

Этьен Валькур встречает их сам, в белой рубашке, с тем спокойствием, которое, кажется, можно купить оптом. Он говорит о «глубокой человеческой печали» так гладко, что у Симоны сводит зубы, — фраза почти дословно повторяет строку из записки, и это совпадение царапает её сильнее любой улики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.